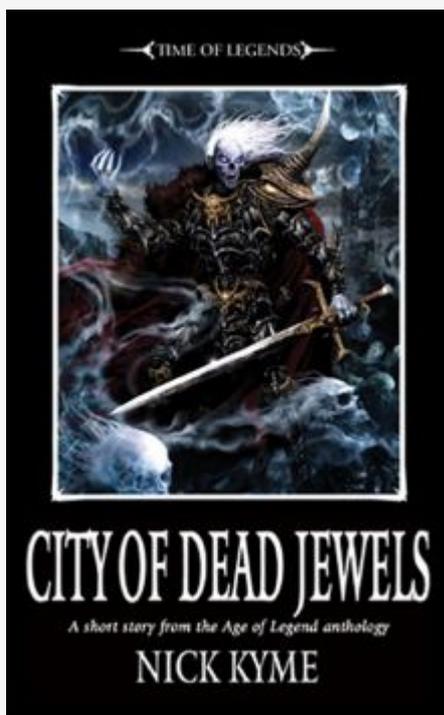

Город мёртвых самоцветов / City of Dead Jewels (рассказ)

WARPFROG

Гильдия Переводчиков Warhammer

Город мёртвых самоцветов / City of Dead Jewels (рассказ)

Автор	Ник Кайм / Nick Kyme
Переводчик	Serpен
Издательство	Black Library
Серия книг	Time Of Legends
Входит в сборник	Эпоха легенд / Age of Legend (сборник)
Год издания	2012
Подписаться на обновления	Telegram-канал
Обсудить	Telegram-чат
Скачать	EPUB , FB2 , MOBI
Поддержать проект	

Принц Дарин был мёртв. Он лежал на спине на носилках из щитов, холодный и липкий на ощупь. В отсутствие принца, Хегендур, его бывший страж очага и телохранитель, взял инициативу в свои руки. Слова, сошедшие с его искусанных губ, были столь же мрачны и темны, как тоннель, в котором остановились гномы.

- Теперь зверь охотится на нас, - сказал он. - Его след уводит вперёд, но он был оставлен намеренно, - голос Хегендура был так же холоден, как и его манера вести себя. Он развернулся к остальным, показывая широкую мускулистую грудь, изрезанную нанесёнными собственной рукой ранами. - Он хочет, чтобы мы пошли за ним.

- Только дурак охотно последует за монстром в его логово, - заявил один из гномов. Он был шахтным смотрителем и нёс фонарь охотничьего отряда. Не огонь, заключённый в оковы, давал свет - свет исходил от магических рун, выкованных в металле каркаса. Пара сапог перекинута через плечо, на их тёмной коже была выгравирована сигила.

- Дурак или обещанный истребитель, - пробормотал другой, презрительно глядя на остриженную бороду и голую грудь Хегендура. Этот носил лёгкую броню на манер гномов с холмов, но увешан оружием, в основном метательным: топориками вдобавок к арбалету, на котором также были выгравированы руны.

- Спужался тролля, *Шлем Вруна*? - спросил третий тан.

Гном с холмов набычился.

- Эта тварь - не тролль, - огрызнулся он на гороподобного гнома, стоявшего рядом с ним. Он был ниже, чем страж врат, железная верхушка шлема едва доставала до груди другого гнома. - И моё клановое имя - Шлем Врана.

- Шлем Вруна тебе подходит больше, дружок эльфов.

- По крайней мере, я не убийца родичей, Магнин сын Торда! - Раглан Шлем Ворона вытащил бородовидный топор, который тускло засветился в полумраке, словно разделяя гнев своего владельца.

Магнин, страж врат, взвесил в руке молот, чей боёк был раза в два больше черепа гнома холмов.

- Вот, наконец, и настал момент разрешить вражду, а, *грумбаки*? - несмотря на внешнюю воинственность, страж врат не смог скрыть стыд в глазах, когда бросил взгляд на тело принца Дарина, покоившееся на импровизированных носилках.

- Отстань от него! - прошипел Воргил. Шахтёр посветил фонарём вперёд, приглушёнными проклятиями пытаясь добиться большего количества света. - Уже хватит смертей из-за дурости, - добавил он мрачно, после чего прошептал. - Я что-то вижу...

Глаза Воргилы были лучше, чем у любого гнома Карак Азгала. Будучи шахтным смотрителем он большую часть своей жизни провёл в самых тёмных, давным-давно забывших о существовании света глубинах. Даже без факела или фонаря, его зрение было практически безупречным.

- Вот, - сказал он, пробормотав заклинание и добившись от фонаря ещё немного света, чтобы и остальные смогли это увидеть. Суровые лики предков с негодованием смотрели вниз на гномов, строго и неодобрительно. Высеченные в скале, они были массивными, великолепными, но драгоценности, что в былые времена украшали их бороды, шейные гривны и браслеты были выковыряны. Лишь выемки, пустые и жалкие, говорили о том, что некогда там что-то было. Гигантские статуи были ободраны дочиста. Вся твердыня теперь была не более чем разрозненная сокровищница, за драгоценности которой боролись, словно падальщики за гнилое мясо.

Тень замаячила впереди, напомнив гномам обо всех тварях, что зарились на их золото и драгоценности.

Здесь, на глубинных уровнях, в самых тёмных катакомбах Унгдрин Анкор, тени были повсюду. Чаше они пищали или рычали, иногда ревели или шаркали, пытаясь подкрасться незамеченными на мягких стопах или лапах. Эта же была массивной и излучала почти осязаемую угрозу.

- Это не тролль, - снова хрипло прошептал Раглан. Он сменил топор на арбалет, болты которого блестели, словно чистое серебро, несмотря на тьму.

Он и Магнин были обременены носилками из щитов, но пред лицом монстра они расстались со своей ношей, скинув намотанные на кулаки верёвки, скрепляющие последнее ложе принца. Принц Дарин, казалось, не возражал.

- Я говорил, что нам надо вернуться к воротам твердыни и привести больше воинов, - продолжил Раглан, отступив на шаг.

- И откуда бы ты их взял? - огрызнулся Воргил, - Там никого нет, кроме тех кровавых варваров. Унберогены или нет, но я доверяю гномам больше, чем людям, и собираюсь увидеть, как сокровища Изрилы отправляются к его наследникам. Не к умги, не к гроби.

- Не к эльги, - с угрюмым видом пробормотал Магнин.

Прошло уже более двух тысячелетий со времени Великой войны между гномами и эльфами, но у сынов Грунгни была долгая память: наследие кланов и долг предков сделали её такой. Война Отмщения, объявленная королём Готреком Звездодробителем, была поддержана не всеми кланами. Некоторые гномы, завёдшие дружбу с эльфами, и чья торговля с этой жуткой расой процветала, отнюдь не горели желанием сражаться и всячески искали повод мирно разрешить конфликт. Гномы холмов, которые жили на земле, а не под горами, были самыми упорными из подобных отказников.

Раглан проигнорировал Магнина и махнул в сторону полуразрушенного зала, что осыпался вокруг.

- Оглянись. Это больше не Город Самоцветов, - он махнул рукой на разбитые статуи и обветшалые колонны. - Это логово зверей и чудовищ, тёмных обитателей мрачных глубин... - он замолчал, словно ожидая, что вот-вот из тьмы вырвутся некоторые из них, истекая слюной и воя в нетерпении отвесть гномьей плоти, дабы утолить свой звериный голод.

Некогда, в те времена, когда Карак Азгал был известен как Карак Изрил, коридор, в котором затаились гномы, был бы выложен драгоценными камнями и чеканным золотом. Эти сокровища были уже давным-давно украдены крысолюдами, зеленокожими и даже вонючими зверьми.

- Мы все умрём здесь, - проговорил Воргил, не выказывая при этом ни малейшего желания обратиться в бегство. - Все мы - обречены.

Раглан взглянул на шахтного смотрителя - он и Хегендур всё больше погружались в фатализм. Его же собственная твердыня на Краг Тор всё ещё процветала. Он согласился на это предприятие столько же из-за золота, кое можно было получить в итоге, сколько и из верности королю расколотого царства, что некогда дало имя сей твердыне. - Мы должны вернуться, - снова начал он. - Собрать больше воинов в северных твердынях. Возможно, нам удастся найти гномов из Убежищ или Чёрных гор. Я слышал, некоторые кланы решили осесть там.

Магнин насмешливо усмехнулся. Страж врат был вырезан из более старого материала. Он мог проследить родословную свою и своего клана вплоть до Чернобородого. - Ринны и уфдисы. Среди всех них не найти и одного настоящего дави.

Раглан продолжил настаивать. - Нам нужно больше топоров.

- Айе, - издевательски согласился Магнин. - И пушек, и мулов, чтобы тащить их, но мы - четыре тана, и этого хватит на этого зверя, - он искоса посмотрел вниз на Раглана. - Ну, по крайней мере, трое. Я ожидаю, что клан оборотней, подобных Шлему Вруна, выберет трусость, а не честь.

Раглан скрипнул зубами, но сдержал едкий ответ, так и норовивший сорваться с губ. Как бы он ни был разгневан, страж врат оставался лучшим бойцом, чем он.

- А что насчёт принца Дарина? - спросил Воргил, глядя на труп.

Ухмылку с лица Магнина будто стёрли при упоминании имени принца.

- Мы должны оставить его, - проговорил Раглан.

- Он сын короля! - выдохнул Воргил.

- Само собой мы не бросим его посреди зала, крути, - огрызнулся Раглан. Он посмотрел на Хегендура. Страж врат выглядел так, словно собирался сделать что-то необдуманное. - Мы оставим его в одной из старых усыпальниц. По крайней мере, он будет лежать рядом со своими предками. Когда мы закончим со зверем, то вернёмся и заберём его.

- Тихо, глупцы! - Магнин ткнул вниз в туннель своим молотом. - Чуете запах? - спросил он, как только гномы замолчали.

Дуновение чего-то весьма неприятного укололо ноздри гномов. Оно принесло с собой вонь серы.

- Желчная кислота тролля, - нахмурившись, сказал Хегендур. В каждой его руке было по топору, зубы обнажились в вызывающей ухмылке.

- Что скажешь, парень? - спросил Магнин, неожиданно засомневавшийся в собственной правоте, но не собирающийся доверять дружку эльфов или полубезумному от горя стражу врат. Он оглянулся через свой шипованный наплечник и посмотрел на гнома, стоявшего позади.

Последний из охотников не был таном, даже воином он, по крайней мере, по мнению Магнина, не был. Он был коричневобородый, с серыми юношескими глазами бородачёнок. На нём был шлем, как и на остальных: железный наносник и железная корона вокруг всего шлема. Кроме того, он носил мантию, сплетённую с кольчугой и покрытыми рунами наручами.

Всё это говорило о том, что он был кователем рун, хотя парень и не чувствовал себя достойным сего, навязанного ему, облачения.

- От тела моего погибшего учителя исходило такое же зловоние, - тихо ответил Скальф и провёл в воздухе руническим талисманом, который висел у него на цепочке на шее. Он испускал бледно-зелёное свечение, которое окрасило тьму вокруг него.

- И, - потребовал страж врат после того, как продолжения не последовало. - Что скажешь?

- Мы не должны были приводить сюда бородачёнка. Мне всё равно, кто был его учителем, - пробормотал в свою густую от сажи, чёрную бороду Воргил, обращаясь к Раглану.

Гном холмов бросил взгляд на кователя и кивнул, соглашаясь с шахтным смотрителем.

Скальф проигнорировал их. Он внимательно смотрел на свет, окружавший талисман, пока тот менялся с зеленоватого на висцерально красный.

- Очень близко.

Хегендур был на самом краю свечения фонаря, на границе его полусвета.

- Это зверь, - заключил он и углубился в туннель. - Спойте мою похоронную песнь к Гримниру и всем Богам-прародителям. Скажите им, что Хегендур, сын Хегенгрима, приближается к залам их подземных чертогов. Моя судьба ждёт... Узкул! - выкрикнул он и побежал, и лишь дробный стук подкованных сапог остался от него, когда тьма поглотила его.

- Хегендур, подожди! - выкрикнул кователь, но было уже слишком поздно. Стоило стражу врат выйти за пределы круга света, как раздался внезапный свист смещаемого воздуха, а затем хруст кости.

Воргил был ближе всех, и кровь Хегендура брызнула на него. Громко выругавшись, с лицом и бородой, побагровевшими от крови товарища, он вытащил засветившуюся во тьме кирку.

Разнообразное руническое оружие засветилось во тьме. Каждый гном обладал оружием, выкованным в глубокой древности, ещё до войны с эльфами, но пред тем, что ждало их в этом туннеле, все их молоты, секиры и топоры казались не более чем ножичками.

Напряжённая минута безмолвия опустилась на отряд, пока что-то не вылетело из тьмы.

Раглан швырнул метательный топорик, не желая тратить серебряный болт, пока не убедился в том, что оно того стоило.

Половина тела Хегендура с его собственным топором, воткнутом в грудь гнома, упала перед ними. От его отгрызенной верхней половины валил пар. Ниже талии не было ничего. Скривившийся страж врат всё ещё крепко держал свой топор. Но ни единой зазубрины или капельки крови не было на его лезвии.

- Я думаю, что он уже был мёртв, брат, - сказал Воргил.

Магнин усмехнулся, несмотря на обезображенные останки их спутника.

Низкий, отражающийся от стен рык, от которого с крошившегося потолка туннелей отвалились осколки и пыль, предотвратили готовый сорваться с губ гнома холмов резкий ответ.

- А оно большое, - сказал он, когда, наконец, всё стихло.

Спустя секунду вонь серы стала ещё сильнее, наполненный ею воздух обжигал открытые участки кожи гномов.

Скальф поморщился.

- В этих коридорах звук кажется громче, чем есть на самом деле, - однако, несмотря на эти слова, он всё же вытащил молот. Руна мастера его собственнойковки тускло светилась на бойке и спускалась вниз по рукояти. - Оно не собирается возвращаться, по крайней мере, сейчас. Чем бы это существо ни было, оно уже знает наш запах.

Мощная дрожь сотрясла камень под их ногами, опрокидывая статуи. Трещины избороздили высеченные лики предков, придав им ещё более раздражённое выражение. Дождь из осколков посыпался с потолка, а вслед за ним целые потоки грязи.

Магнин поднял большой щит, чтобы встретить самое худшее.

- Мы стоим и сражаемся.

Ни единого слова отрицания не прозвучало от остальных членов команды.

- Погибель... - пробормотал Воргил. Он едва сдерживался, чтобы не сделать шаг в сторону исполнения своей клятвы истребителя.

Тень зверя приблизилась, фыркая и рыча.

- Это не тролль, - пробормотал Раглан, прежде чем огромная трещина разделила потолок, и тоннель обрушился на гномов, принеся тьму и погибель.

- Это всего лишь тролль.

Заявлению короля громко вторило эхо по всему заброшенному предвратному залу. В былые времена, вассальные князья Карак Изрила вещали бы в богато украшенном тронном зале, королевских палатах, достойных этого названия. Легендарный бриндураз бы освещал залу, и множество украшений из обработанных драгоценных камней сияли будто звёзды. Те дни были покрыты пылью и тьмой веков. Азгал, Клад-гора, как он теперь был известен, лежал в руинах.

Ныне, владыка Карак Азгала восседал на деревянном троне, с горсткой вассалов-молотобойцев, которые угрюмыми тихими рядами выстроились за его спиной. То, что король Дьюрик решил дать аудиенцию в одном из залов верхних уровней было весьма примечательно, но старый гном был вздорным и упрямым ублюдком.

Скальф знал короля, он всё ж таки был его вассалом, и он знал, чего ему стоило покинуть своё родовое жилище на поживу гроби и крысолюдам. Некогда, Дьюрик был сильным, как телом, так и духом, теперь же он поседел и напоминал привидение со слишком тонкой и клочковатой бородой. И, тем не менее, его господин не лишился своей гордости.

- Мой кузен Фендрил утверждает, что нашёл логово зверя, - преклонив колено перед королём, рискнул вставить один из танов. Он был облачён в громриловую кольчугу и нёс кирку и фонарь, отмечавший его как шахтного смотрителя одного из кланов рудокопов. - Он говорит, что видел внешние признаки, указывающие на дракка.

Король Дьюрик покачал головой, его обтянутое сухой морщинистой кожей лицо исказила ядовитая гримаса.

- В Карак Азгале нет драконов, - ответил он. - Посмотри сюда! - Он ударил по могучему плечу, откуда чешуйчатая грива разворачивалась по его спине. Великолепный плащ опускался на голову дракона, на которой всё ещё оставалась плоть. На голову дракона с остекленевшими глазами и очень, очень мёртвого.

- Грауг Ужасный! - громогласно объявил он своей аудитории. Распалившись, он закашлялся, после чего сплюнул в кулак кровавую мокроту. Пара молотобойцев, в одном из которых Скальф узнал чемпиона Белграда, собрались было помочь королю, однако Дьюрик одарил их таким злобным взглядом, что воины словно бы вмёрзли в камень пола.

- Это был последний из дракков, - сказал он, оправившись, в его голосе появилось торжество. - И пусть

он убил Далена Громобоя, я отомстил за него, выпустив из него порченую кровь. Больше нет драконов в Карак Азгале. Да и во всей остальной части Края Мира, - добавил он. - Эльфы, - сплюнул король, - пытались пробудить их во время Великой войны. Больше они не слетятся в стаи.

При упоминании эльфов один из танов опустил голову. Его броня была легче, чем у остальных, но лёгкость доспехов он компенсировал избытком разнообразного оружия, свисавшего с его поясов. Скальф насчитал с полдюжины метательных топориков, двухлезвийную секиру и арбалет, не говоря уж о более мелких кинжалах и ножах. К его шлему крепился гребень из чёрных птичьих перьев.

Однако шахтный смотритель был настойчив.

- Фендрил был весьма точен в своих описаниях, мой король.

- Нет больше драконов! - яростно набросился на него король Дьюрик. Крик был столь яростным, что многие из танов бросили осторожный взгляд на выходящие в зал тёмные коридоры, опасаясь, как бы гроби не услышали и не заявили на шум.

Никто не ответил, но гнев короля постепенно стал остывать, превращаясь в едва тлеющие угольки. Он снова откашлялся, сплюнув ещё больше крови на руку и тунику. Когда он продолжил, его голос стал ещё более хриплым и уставшим.

- Это тролль, может, вверна. Ничего более.

- Мы прикончим зверя, что бы это ни было, - заявил один из гномьих владык с горделивой осанкой. Это был Дарин, сын короля и принц Карак Азгала, и с почтением преклонил колено перед своим господином и отцом.

Король Дьюрик с трудом спустился с трона, с которого он вещал подданным, дабы говорить с сыном, глядя в глаза. Рука, лёгшая на плечо принца, не была ни более твёрдой, ни более крепкой, но она с точностью передала чувства короля.

- Ты последний, - проговорил он голосом, который бы больше подходил для покойника. Звук напоминал треск старого пергамента. - Если ты умрёшь, род Карак Азгала умрёт вместе с тобой, - сказал он, ярость и страх боролись в его старых, слезящихся глазах. Рука его также дрожала, но принц Дарин успокаивающе положил свою ладонь на ладонь отца.

- Я убью это ради тебя, отец, и Азгал будет восстановлен.

Это была слабовыполнимая клятва, но единственный сын верил.

Последний из охотников ударил себя в грудь в знак одобрения столь смелой клятвы.

- Чем бы эта тварь не была, будь она троллем, вверной или чем бы то ни было ещё, но после того, как мы найдём её, она более не будет угрозой недрам Карак Азгала, - сказал он. - Так говорит Магнин, сын Торда. Мы из клана Камнеруких некогда были стражами врат. Будь то Азгал или Азул, на север, либо на юг вдоль Края Мира, наша кровь истинных дави густая и незагрязнённая, - он посмотрел на гнома с холмов, того, который пристыжено опустил голову при упоминании эльфов.

Король Дьюрик кивнул, довольный, и одобрительно посмотрел на воинов-танов, стоявших перед ним.

- Найдите это, - прохрипел он, оценивающе оглядев их своим буравящим взглядом. - Убейте это.

Промозглый воздух за воротами зала был тяжёл от вони паразитов.

Воргил, нахмурившись, ткнул носком сапога один из покрытых мехом трупов.

- Крысолюд, - объявил он очевидное. - Дохлый.

Магнин насмешливо фыркнул.

- Спасибо Грунгни за то, что ты наш разведчик и проводник, - сказал он, взмахнув топором-клевецом, упиравшимся в его могучий наплечник гвардейца.

Воргил неодобрительно глянул на него, но продолжил.

- Судя по телам, раны нанесены клинками и дубинами, - добавил он, расцепив киркой сплётшиеся скавенские тела.

О количестве трудно было судить, столь сильно были повреждены тела. Эти мохнатые создания были маленького роста и обликом напоминали людей, неким ужасным образом соединенных с крысами. Их сутулые спины, розовые хвосты и полные клыков пасти выглядели особенно зловещими в смерти. Расположение тел предполагало засаду, но ни единого признака тех, кто устроил её, видно не было. Если кто-то из нападавших и погиб, то его тело утащили во тьму.

- Гроби? - спросил Раглан. Он сторожил арочный вход в пещеру. Здесь, как и в других местах Клад-горы, ворота были лишены некогда украшавших их самоцветов и золота. Да и сам зал, что некогда бы переливался в свете фонаря шахтного надзирателя, ныне был холоден и мрачен. Его очаг был пуст, за исключением помёта скавенов и дочиста обглоданных голодными крысолюдами костей мелких тварей. Некоторые из поддерживавших своды колонн обрушились и в виде груд щебня валялись по всему мозаичному полу пещеры.

Гномы всего лишь пару часов, как вышли из врат верхних залов, когда обнаружили бойню. Вскоре падут даже верхние уровни Азгала. Где тогда, интересно, будет разглагольствовать король Дьюрик?

- Или иные разбойные твари, - заявил принц Дарин. Он стоял на упавшей статуе, словно подчёркивая свой высокий статус. Второй арочный проём находился прямо напротив первого. Тан-принц вгляделся в его укрытые мраком глубины. В мерцающем свете фонаря Воргила можно было различить ряд широких каменных ступеней.

- Это там, поджидает нас.

Что-то примешивалось к голосу принца. Не страх, нет - он был настолько уверен в себе, что страху было не пробиться сквозь эту броню. Скорее неуверенность - или это лишь так казалось Скальфу - что ему не удастся завалить зверя и восстановить Карак Азгал во всём его былом великолепии. Скальф знал о силе ожиданий, подобных этому - тот же покров укрывал его погибшего учителя.

- Ты будешь достоин своего отца, - сказал кователь рун принцу. Несмотря на все усилия, слова звучали пусто.

Хегендур, страж очага, молчаливый и негибаемый, стоял с другой стороны статуи, но его вера в королевские силы была тверда, и поэтому он согласно кивнул.

Принц Дарин повернулся к кователю и тот же фатализм, что был в поведении короля, Скальф увидел и в глазах принца. Это же было отражено в окружающем их запустении.

- Я должен, - ответил он. - Я всё, что осталось.

Воргил прекратил изучение скавенских трупов и сверился с картой, которую достал из одного из своих многочисленных кармашков.

Это вызвало интерес Магнаина.

- Не думал, что ещё остались хоть какие-то карты Азгала, по крайней мере, полезные. Всё погибло в Эпоху Горестей, как я слышал.

- Это Фендрила, - не поднимая головы, ответил Воргил. - Мой кузен начертил её, прежде чем в последний раз отправиться в бездну.

- И оставил её тебе? - Магнин выглядел смущённым. - Он не нуждался в ней, чтобы вернуться?

Теперь Воргил поднял взгляд.

- Он нарисовал множество карт. Шахтному зрителю, заслуживающему свою кирку, не нужна карта, чтобы найти место, где он уже побывал. Нет, он нарисовал её для меня, чтобы я мог его найти, если... - он замолчал.

- Если...? - Магнин был так же чувствителен, как его клевец, перекинутый через плечо.

- Если бы он не вернулся, уфди, - резко сказал Раглан.

Магнин оглянулся на гнома холмов, который по-прежнему всматривался в путь, по которому они пришли.

- А что же тревожит тебя, дружок эльфов? Беспокоишься, что эта охота выходит за пределы умений твоего клана, любящего завёрнутых в шёлк остроухих?

Раглан зарычал.

- Я дави до кончиков ногтей, который...

- Хватит! - голос спрыгнувшего с колонны принца не был громким, но в нём было достаточно силы, чтобы прекратить перепалку. - Хватит отдыхать, - он посмотрел на Воргилу. - Ты знаешь, куда нам идти?

- Вниз, мой господин, - ответил он, и эхо его слов облетело воняющую мускусом пещеру, - вниз, пока мы не достигнем развилки.

- А потом?

- А потом ещё глубже.

Даже в закопчённой, задымлённой кузне Скальф мог с уверенностью сказать, что учитель был сердит на него. Он услышал, как кручёные браслеты лязгнули, когда повелитель рун скрестил руки на бочкообразной груди, а кусочки металла, вплетённые в бороду, звякнули, когда он недовольно скривился. Дым уже и так заполнил раскалённую кузню, но становился всё гуще каждый раз, когда его учитель разочарованно попыхивал трубкой.

- Ещё раз, бородачёнок.

Скальф посмотрел на кусок скалы, окружённый оранжевым светом, отбрасываемым кузнечным горном, и нахмурился. Молодой гном был одет в кожаный фартук поверх обычных полотняных рубашки и штанов. Закатанные до локтей рукава позволяли видеть бугрящиеся от мышц руки. Он уже потерял счёт времени.

- Но это неразбиваемо.

Учитель выдохнул, выдох был долгим, разочарованным. С выдохом пришёл и облачко дыма, от которого у бородачёнка закололо в носу. Кинжалом, инкрустированным самоцветами, учитель поднял кусок жареного кабана, что избежал гномьих зубов на недавнем пиру. Скальфу вход был запрещён, так что его желудок проворчал, словно отражая недовольство на его лице.

- Ещё раз, - строго сказал учитель.

Вытирая пот со лба тыльной стороной своей покрытой коготью руки, Скальф сделал, как ему было сказано. Собрав всю свою недюжинную силу, он ударил. Даже ещё не открыв глаза, он уже понял, что камень остался неповреждённым. Не было даже малейшего скола.

- Как это возможно? - выдохнул он.

Учитель крякнул и всей массой своего мускулистого тела отпихнул Скальфа в сторону. Его кольчужная броня раскалилась в горячем воздухе кузни и ужалила незащищённую кожу бородачёнка.

- Подвинь задницу, слабак! - рявкнул он, и молот, словно молния, появился в его руках, древние слова сорвались с его губ, и он ударил.

Порода равномерно раскололась, и внутри оказалось мерцающее руническое лезвие из чистейшего громрила.

- Видишь? - сказал он своему ученику, - это может быть сделано, - учитель указал молотом на две части расколотого камня. - Карадурак, все-камень, извлечённый из сердца мира. Только кователь рун может расколоть его, но только с одного удара. Используй слова, как они учат тебя, бородачёнок. Ты можешь выгравировать руну на камне без посторонней помощи, и даже стать мастером рун под моим руководством, но тебе ещё предстоит расколоть карадурак. Только здесь, в глубине гор, ты можешь найти вены древней магии. Он могуча, но чтобы когда-нибудь овладеть ей, ты должен расколоть все-камень. Пока ты этого не сделаешь, ты не покинешь этой кузни!

Он указал на другой кусок карадурака, покоившийся на второй наковальне. Этот был бездонно-чёрный, с крапинками серебра, словно переливчатые звёздные огни, и был более твёрдым, чем прочнейший обсидиан.

- Этот только твой, - пообещал учитель, повернувшись спиной.

Столб дыма плавно тёк по его следам, когда он покинул комнату.

Скальф бессильно сжал кулаки.

- Как ты узнаешь, что я расколол его с одного удара, если тебя здесь не будет, чтобы засвидетельствовать это? - спросил он уходящую тень своего учителя.

- Я узнаю, - раздался из тьмы чей-то голос. - Ты не сможешь разбить его иным способом. Я узнаю, - вновь повторил он. - Говори слова, - сказал он, голос постепенно затихал, - как они учат тебя. Ещё

раз!

Скальף повиновался и ударил ещё раз. Но карадурак не поддался.

Воргил снова достал карту. Когда прошёл первый час, он снял перчатки. Его покрытые пятнами копоты, с чернотой под ногтями пальцы нервно теребили края. Почёсывая голову, он пробормотал. - Хм, но Фендрил же отличный картограф...

Раглан разжёг небольшой костерок в круге камней и поддерживал его, не давая разгореться слишком сильно. Гномы забрались глубоко, гораздо глубже, чем прежде. Несколько стычек с группками зеленокожих разожгли оружие гномов, но лишь едва-едва. Холод пронизывал тьму, ещё больше усиливая запустение, царившее в твердыне вокруг них.

- Этот холод ещё хуже, чем проклятые гроби, - Раглан потёр руки, пытаясь вернуть в них хоть немного тепла.

- Также, как и Шлем Вруна, - пробормотал под нос Магнин. - Слишком много времени провёл сверху, - издёвка вышла вялой, к этому моменту он уже устал открыто насмехаться над гномом холмов. Его напор был украден пустотой этого места в глубине древних гномьих владений. На пути сюда в глубины Карака им попадались тела. Тела гномов. Сотни тел гномов. Это было горьким напоминанием о минувшем величии и высасывало тепло из их сердец быстрее, чем мог бы любой, сколь бы он не был сильным, холод.

- Можешь ли ты узнать маршрут своего кузена? - спросил принц.

Они были в нижней части очень длинного и широкого лестничного пролёта. Местами он был разбит, зияя дырами-ловушками, что вели к неминуемой гибели на почерневших камнях внизу, стоило лишь сделать один неосторожный шаг. Ни единого лучика света не проникало в эти глубины, и лишь фонарь Воргилла, окрашивавший окружающее в однотонный серый цвет, позволял гномам избежать погружения во тьму. Свет, который он давал, был слабым и мерцающим, и освещал лишь небольшое пространство замшелых каменных плит пола, на которых гномы устроили привал.

- Это мрачное место, - сказал Хегендур, ни к кому конкретно не обращаясь. - Настоящий зал гномьей твердыни должен иметь пылающий очаг, и быть наполненным запахом жареного мяса и пенящегося эля, а не пылью и тенями. Где звуки кланов: застольных песен и кутежа? Где гудение шахты, проникающее сквозь скалу и заставляющее ещё горячее биться сердце? Где дави?

- Мертвы, брат, - ответил принц Дарин, хотя Хегендур уже и так знал ответ.

Воргил снова почесал голову. Он стоял перед тремя ответвлениями. Два уходили влево и вправо, третий исчезал в глубочайшей тьме, когда путь впереди обрывался разрушенной площадкой.

- Налево, я думаю...

Князь был непреклонен. - Ты думаешь, или знаешь?

- Я уверен, - ответил Воргил, снова сворачивая карту. - Определённо налево. Я бы поставил на это мою серебряную жилу.

- Хм, я бы принял такое пари, - хмыкнул Магнин, по-прежнему раздражённый, но испытывавший воодушевление от возобновления поисков.

Гномы собрали свои вещи и залили огонь, когда Скальф жестом приказал им замереть. Следом раздался тихий звук медленно покидающих ножны мечей, молотов и секир. Скрипнула натягиваемая стрела арбалета Раглана, когда гном наложил болт.

- Что там, парень? - спросил принц.

- Вы разве не слышите?

Он стоял у левого ответвления, склонившись и настороженно вслушиваясь во тьму, едва не соприкасаясь с нею.

- Слышим, что...

Раздался грохот, но много раньше пришла вонь. Терпкая и густая, словно смола.

- Гроби... - ухмыльнулся Магнин.

Высокий пронзительный писк перекрыл хрюканье и гиканье зеленокожих.

- И кое-кто ещё, - заметил Дарин.

- Сколько? - спросил Раглан, изо всех сил всматриваясь в темноту в поисках целей. Его дыхание убыстрилось, и холодный подземный воздух запятали облачка горячего пара.

Отверстие было достаточно широким, чтобы гномы могли встать плечо к плечу. Они так и сделали, сомкнув ряды и подняв щиты.

- Спужался парочку крысок, дружок эльфов? - хмыкнул Магнин.

- Посвети, - не обращая внимания на препирательства, махнул принц Воргилу.

Визг и хрюканье во тьме уже почти оглушали. От вони, хлынувшей из туннеля у гномов свело животы, но стоило свету рун отдернуть завесу тьмы, и гномы застыли, вся их решимость потухла, словно огонь, залитый водой.

- Волосатая задница Гримнира... - высказался Воргил за всех.

Там были *орды*.

Было практически невозможно отделить крысолюдов от зеленокожих, столь близко друг к другу они находились. Красноглазые, закутанные в чёрные балахоны, в нахлобученных на головы капюшонах, гоблины были в авангарде... Нет, не так. Зеленокожие были в панике, визжа от волнения и страха. Они бежали от крысолюдов, которые едва ли не сидели у них на головах. Визжащим стрелам, вслепую выпущенным из кривых коротких луков, неслись навстречу камни и ножи. Усилия гоблинов-лучников оказались напрасны, когда огромная скавенская орда навалилась на них кровавой волной кромсающих клинков. Некоторые зеленокожие, имевшие лучшую броню или просто более отчаянные, пытались сопротивляться. Вместе существа создали почти кипящую волну из чавканья зубов и мелькания клинков, которая хлынула к арке. Зелёная кожистая плоть, носы с горбинкой и жестокость; черная шерсть, чесотка и коварство - гоблины и скавены сплелись в единый комок, пинаясь, кусаясь и кромсая друг друга грубыми копьями и клинками.

Существа умирали в бешеной схватке, в основном гоблины, но и зеленокожие в своём безумном стремлении к спасению не щадили скавенов, безжалостно приканчивая крысолюдов, стоило лишь

подвернуться удобному случаю. Кровь, запёкшаяся и свежая, с головы до ног покрывала воинов обеих противоборствующих сторон. Тела разлетались по сторонам, пока резня становилась всё горячее и безумней. И волна сих нечистых тварей неостановимой волной катилась к гномам. И не тонкой линии щитов, которую они выставили, было становиться запрудой на её пути. Она бы вылилась из левой арки и растеклась по всему плато. Всё, что захватит эта волна, будет раздавлено или выброшено с обрыва в ждущую бездну.

Принц Дарин в мгновение ока оценил грозящую опасность.

- Отступаем, в другую залу!

- Стражи врат не бегут от пустячков, - бросил Магнин, вбивая край своего щита в пол и готовясь встретить за ним надвигающийся потоп.

- Ты побежишь, - крикнул на него Хегендур, крепко ухватив упрямого гнома за плечо. - Повинуйся принцу Азгала.

Остальные уже пришли в движение и со всех ног бежали к проходу за их спинами.

Магнин выглядел так, будто собирался спорить, но мгновение спустя хмыкнул и шумно потопал за остальными.

Гномы едва перешагнули порог соседней палаты, находившейся в столь же плачевном и запущенном состоянии, что и остальные в Карак Азгале, когда первый гоблин влетел в потрескавшийся арочный проход.

Магнин расколол череп одного, который совершил непоправимую ошибку, оказавшись слишком близко от клевца стража врат. Гном стряхнул его со своего щита и швырнул в сломанную колонну, выступавшую из пола. Размазанное тело зеленокожего отлетело от колонны и скрылось под ногами орд.

Повинуясь инстинкту, остальные гномы сделали шаг назад и сплотились вокруг него, образовав круг из щитов и оружия, готовые встретить атаку с любого направления. Только Раглан, у которого не было щита, стоял в стороне от стены железа. Он забрался на разрушенную статую, с которой открывался отличный обзор на всю залу, и использовал арбалет, чтобы добивать отставших. Он выстрелил, и арбалетный болт вонзился в глаз скавенского лидера рабов, расплескав большую часть мозга существа по округе в фонтане нечистой крови. Он бросил аркан и захлестнул шею гоблина, после чего рванул на себя, обрывая запоздалый предсмертный крик зеленокожего.

В сердце кольца гномов, словно маяк, сиял фонарь Воргилла. Он прицепил его на всю длину цепи на запасной топор, висевший у него на спине, и фонарь неистово раскачивался, создавая странные чудовищные тени, пока гном бился своей киркой.

Это было единственным источником света в зале, это, да ещё магический свет от рун на гномьем оружии предков. Красные точки переливались, словно живые, злобные рубины во тьме за пределами магического света их фонаря... сотни и сотни. Гномы были окружены и вскоре будут смяты.

- Сомкнуть щиты! - проревел принц, изо всех сил пытаясь перекричать гвалт сражающихся скавенов и гоблинов. Он раскрыл дородного крысолюда от шеи до паха, расплескав по плитам пола потроха мерзкого зверя.

- Осквернители! - взревел Магнин, разъярённый святотатством и преступлениями созданий. Он врезал

гоблину в харю щитом, вбивая горбатый нос зеленокожего ему в мозг, а затем обрушил молот на скавена, стоявшего позади предыдущей жертвы. Крысолюд обмяк под ударом, когда его ключица раскололась, а верхняя половина грудной клетки превратилась в фарш, раздавленная грозным гномом.

Однако обуянный неистовой жаждой убить всех врагов, осквернивших древние гномьи залы, он вышел за пределы круга. Его клевец пробивал кровавые просеки через существ, а самому гному, практически неуязвимому в громриловой броне, были нипочём жалкие удары клинков крысолюдей и зеленокожих, но он оставил критическую брешь. Будучи стражем врат, он привык к сражениям в туннелях супротив бесчисленных врагов, однако те битвы почти всегда происходили в узких коридорах, в местах, которые было наиболее легко защищать.

- Назад в круг, *уфди!* - заорал Хегендур, разрубив надвое гоблина, прежде чем обратным махом обезглавить скавена.

Воргил хмуро посмотрел на хвастливого стража врат, но ничего не сказал. Все его помыслы были сосредоточены на битве, и выживании. Он выдернул кирку из макушки скавена, выпустив кровавую струю, и взревел, чтобы хоть немного выпустить напряжение.

Запертый в границах круга, Скальф заметил, что постепенно толпы тварей стали уменьшаться.

- Они рассеиваются! - крикнул он, ломая колено скавену и приканчивая мохнатую тварь ударом в висок, когда тот рухнул, пища от боли. Мускулистая шея скавена сломалась, выкованной в горне силы Скальфа оказалось более чем достаточно, чтобы кости проткнули кожу. Но один за другим приходили новые враги, окружая их бурлящей, пищащей трясинной. Однако было нечто странное в движении созданий, словно бы они пытались пройти мимо гномов, а не напасть на них и прикончить. Это подарило краткий миг передышки, которую кователь рун с толком использовал.

Скальф пробормотал слово силы, и из его наручей вырвалась дуга молний. Она прорезала кровавую прореху через по-прежнему вливающиеся через арку орды, и воздух тотчас же наполнила вонь палёной шерсти и горелого мяса.

Когда огненно-яркие руны на его наручах снова погасли, он, наконец, понял.

- Они не нападают на нас.

Принц Дарин слегка повернулся к нему, располовинив череп гоблина. Его доспехи и тунику покрывал толстый слой крови.

- Что?

Скальф выставил щит перед скавеном. Крысолюд не успел затормозить и со всего маху врезался в него и рухнул на землю. Скальф опустил край щита и добил незадачливую тварь.

- Мы всего лишь стоим у них на пути. Они больше озабочены резнёй друг друга.

И действительно, помимо случайных ударов дубьём или клинком, оказавшихся поблизости, ни скавены, ни зеленокожие не предпринимали каких-либо организованных усилий, чтобы прикончить гномов. Принц Дарин снова поднял свой щит.

- Стоять. Сомкнитесь и поднимите щиты, - сказал он. - Переждём бурю.

Однако Магнин по-прежнему был вне круга гномов, сражаясь в своей собственной битве.

Принц Дарин уставился на него властным взглядом.

- Страж врат! - его тон не допускал ни малейших возражений.

Магнин ругнулся, но всё-таки начал неторопливое отступление к месту, где заняли оборону его товарищи.

Нечто шевельнулось в орде. Оно явило себя, когда скавенские ряды поредели. Обмотанное шедшими волнами тенями, это не было обычным крысолюдом.

Скальф вскрикнул. - Брат!

Магнин ещё разворачивался, поднимая увесистый щит, пока кольцо гномов разошлось, пропуская его. Тварь-ассасин уже обошла его защиту... свист - серебряный болт вонзился в скавенскую глотку, приканчивая создание. Крысолюд скрючился, зеленовато мерцавший кинжал остановился в каком-то дюйме от незащищённого бока стража.

Высокомерная самоуверенность на лице Магнина слегка померкла, когда он увидел иронический салют своего спасителя. Раглан выглядел довольным своим убийством, когда заложил новый болт и начал выискивать новую цель в железный прицел.

Гномье кольцо из железа всё ещё не восстановилось, когда, пользуясь тенями первого убийцы, второй ассасин скользнул в брешь. Принц Дарин крикнул, и Скальф уловил гримасу боли, мелькнувшую на его лице, прежде чем Хегендур обезглавил скавена. Тело упало на спину, в то время как голова скрылась во тьме. Тварь была увешана, словно гирляндами, острыми звёздочками, кинжалами и иными, подобного рода, зазубренными клинками. Каждый элемент его смертоносного арсенала светился нездоровым блеском.

- Мой повелитель... - подался к своему господину Хегендур.

- Сомкнитесь, - рявкнул принц, хотя его голос был прерывистым и хриплым. Сероватая бледность уже появилась на его лице. - Это всего лишь царапина.

Магнин добрался до остальных гномов какие-то секунды спустя, и круг вновь сомкнулся. Опустив головы, гномы встали спина к спине и стали единым целым. Присев, они упёрлись плечами в щиты и замерли, пережидая град из периодически врезающихся в них гоблинов и скавенов.

Выглянув сквозь трещину в щите, Скальф увидел мелькавших в слабом свете воргилова фонаря существ. Это было безумие: тела размывались в какофонии воплей и сталкивающегося железа. Струя крови и слюны плеснула в его смотровой глазок, и он скривился от вони.

Одно было ясно точно: ни зеленокожих, ни крысолюдов совершенно не интересовала группка гномов. Не они были тем, что волновало этих древних гномьих врагов. Здесь шла борьба за территорию, и в этой войне у сыновей Грунгни не было своей доли.

За стеной сомкнутых щитов Скальф встретился взглядом с принцем Дарином.

Его глаза сказали кователю рун всё, что следовало знать о неизбежной судьбе принца. Наследник Азгала уже тоже всё понял и тихо покачал головой. Он был центральным, скрепляющим звеном круга гномов, и сейчас это звено зашаталось. Кожа принца Дарина сменила цвет с серого на алебастрово-белый и, словно в лихорадке, блестела от пота.

- Не дай... мне... упасть, парень.

Скальф подставил плечо, удерживая ослабевшее тело принца. С трудом он вытащил закупоренный флакон из складок своих одеяний и, открыв, прижал его к губам принца.

- Выпейте, мой повелитель, - сказал Скальф, после чего пробормотал заклятье. Руны, выгравированные на боку флакона, невидимые до сего момента, вспыхнули на несколько секунд, после чего вновь погасли. Короткая вспышка энергии показала окончание лечебной силы зелья. Это удержит принца на ногах, но всего лишь чуть-чуть отсрочит неизбежное.

- Держаться! - прохрипел он, и вызов был в голосе наследника Азгала.

Постепенно щиты гномов стало реже потряхивать от врезающихся в них тел, да и верещанье начало стихать. Магнин первым высунул голову и обнаружил лишь несколько отставших, из тех кого не нашли болты рагланового арбалета. Гном холмов спустился со своего поста и начал грязную работу по извлечению болтов из тел, добывая короткими ударами топора тех, кто всё ещё дышал. Он как раз вырывал оружие из черепа гоблина, когда поймал взгляд Скальфа.

- Нам понадобится каждый, прежде чем мы сделаем это, - сказал он. - Мы должны вернуться и привести ещё больше воинов.

И на этот раз Магнин не упрекнул его.

Он смотрел на трупы скавенов и зеленокожих, застывших в смерти. Из тел торчали грубые клинки, принёсшие им смерть.

- Они даже не знают, что мы были когда-то здесь, - едва слышно пробормотал он. - Когда же мы, дави, превратились в паразитов в собственных владениях?

Он притих и помрачнел, не выказывая ни малейшего удовольствия, когда добывал раненых тварей, оставленных в зале древнего оплота. Гном холмов спас ему жизнь и ладно бы только это - хотя быть обязанным жизнью дружку эльфов уже было достаточно неприятно - но кроме этого он знал, что это из-за его ошибки был ранен, и, возможно, серьёзно, принц Дарин. И сложно было не увидеть стыд на лице седого стража врат.

Хегендур склонился над своим господином, когда Скальф подошёл к ним.

- Можно ли что-нибудь сделать? - спросил страж очага, не отрывая взгляда от бледного, осунувшегося лица принца Дарина.

- Я уже сделал это, брат, - ответил Скальф, чувствуя, как комок встал в горле. - Больше у меня нет ничего, из созданного мной, чтобы исцелить его, - и, приглушив голос, добавил. - Род Азгала прервался.

- *Дренг тромм...* - горестное стенание вырвалось прямо из сердца Хегендура. - Я не защищал тебя так, как было должно, мой господин.

Принц Дарин улыбнулся, хотя это скорее была предсмертная гримаса. Он пошатнулся и упал на бронированное колено. Металлический лязг разнёсся унылым эхом по всему залу. Скальф и Хегендур протянули руки, чтобы поймать его, прежде чем он рухнет.

- Опустите меня, - прошептал принц. Зелёно-чёрные вены выступили из-под почти скелетного цвета кожи шеи и лица принца, когда действие яда скавенов вступило в свою завершающую стадию.

Гномы же, как им и было приказано, уложили наследника древней твердыни на каменный пол. Даже Раглан и Магнин подошли, чтобы засвидетельствовать кончину принца.

Рука принца Дарина крепко, но отчаянно сжала руку Хегендура. Это стало последним усилием наследника Карак Азгала. Страж очага вложил топор в другую руку своего господина, согнув за него пальцы вокруг рукояти. Затем он наклонился, когда принц жестом показал, что хочет что-то сказать, но лишь предсмертный хрип покинул его холодеющие губы.

- И в сей день ушёл принц Дарин, сын Дьюрика, последний наследник Карак Азгала, - выпрямившись и склонив голову, произнёс Скальф. - Да будет известно, что это деяние было совершено крысолюдами и великая дань будет взыскана с их расы, как плата за сию обиду.

- Во всей Клад-горе не хватит их хвостов и рыл, - отрезал Хегендур, вставая. - Недостаточно, чтобы искупить мой позор... - он расстегнул ремни, скрепляющие панцирь, затем скинул наручи и наголенники, а после снял кольчугу из-под них и рубаху. Остальные смотрели, как страж очага снимал с себя доспехи, пока не остался перед ними обнажённый до пояса. Он сбросил шлем и, хоть у него не было известки, чтобы создать гребень, порезал руку и собственной кровью вывел на теле руну Гримнира. Затем он ушёл в темноту, чтобы там дать свою Клятву Истребителя.

- Что будем делать? - спросил Раглан, понизив голос и одним глазом продолжая наблюдать за обезумевшим Хегендуrom, что был всего лишь в нескольких футах от него.

Даже Магнин, обычно столь воинственный, находился в нерешительности.

В конце концов ответил Скальф.

- Мы идём дальше, находим зверя и убиваем его, как король повелел нам.

- Его сын - мёртв, принц... - он осёкся и замолчал, вина Магнина была очевидна и без лишних слов.

- Мы должны вернуться, - снова сказал Раглан. - И привести ещё больше воинов.

Магнин ошетинился, наконец, вновь обретя решительность.

- Здесь нет пути назад! Только вперёд, в бездну, или смерть здесь, в этом месте.

- Но...

- Постыдись бородачёнка, дружок эльфов! - прервал его Магнин, хотя Скальф подумал, что большая часть гнева стража врат была направлена вовнутрь.

Понимание медленно проявилось на лице Раглана. Его плечи поникли. Здесь не было иного пути. Они были, каждый, связаны отныне с этой судьбой. Они должны найти зверя, будь то тролль, виверна или иной тёмный монстр, поселившийся в руинах Азгала, и убить его, или погибнуть, пытаясь. Неожиданно, его преуспевающие шахты оказались очень далеко, а золото, ради которого он пришёл в Азгал, потускнело и подешевело в сравнении с ними.

- Что ж, тогда во тьму, - сказал он. - По крайней мере, у нас есть проводник.

Магнин нахмурился, оглядываясь по сторонам. - Где этот пожиратель газов?

Скальф обнаружил его. Воргил стоял на коленях недалеко от зала, в длинной, широкой галерее, видывавшей и гораздо лучшие дни. Рваные полоски ткани, что некогда могли быть флагами,

драпированными стенами, слабо колыхались, словно призрачные пальцы, когда сквозняки с верхних уровней беспокоили их. Не было ни единого признака ни скавенов, ни гоблинов, которые должны были бы пройти там. Зато там был некий естественный свет. Он исходил от маленьких кусочков бриндураза, или «сверкающего камня», которые мерзкие твари либо пропустили, либо не смогли выковырять. Во тьме от них исходило слабое мерцание.

Их перламутровый отсвет заливал лицо Воргилла. Это заставляло его казаться холодным и лишённым его насмешливой меланхоличности. Фонарь, теперь висевший у него на боку, светил не сильнее, чем остывающий уголёк, словно бы подстроившись под настроение шахтного надзирателя.

- Я был неправ, - сказал он, обращаясь к чему-то в руках, к чему-то, скрытому от остальных гномов его широкой спиной.

- Ты о чём, брат?

Скальф подошёл к Воргиллу и увидел, что тот держал пару потёртых, слегка обгоревших сапог. Небольшая цепочка символов была вырезана на коже, а громриловые носки светились, поймав отблеск сверкающего камня.

- Это была правильная развилка, - сказал он, протягивая сапоги Скальфу так, чтобы тот мог их рассмотреть. - *Жарр-клюд* Фендрила, его огненные сапоги, - Воргилл наклонил их и изнутри высыпался пепел, образовав небольшую горку перед ним. - Мой кузен - мёртв.

Жар огня не уменьшился. Наоборот - он стал лишь ещё горячее. Руки Скальфа тоже горели, но от напряжения, а не от раскалённого воздуха в кузне. Он качал мехи, разжигая сердце пламени так сильно, как только осмеливался. Пот покрывал его тело, он стекал по его коже и поднимался вверх с пятнышками пара. Его пальцы были измазаны сажей, молот - обожжён дочерна. Он снова ударил все-камень.

Он не поддался. На нём не осталось даже малейшего следа. Вообще.

Оголовье молота сломалось, зияющая трещина развалила его пополам, что разоблачило слабость его труда скорее, чем чеканная конструкция. Вытирая болевшую до самых костей, испачканную в саже руку о фартук, он подошёл к стойке, чтобы взять новый молот.

- Что б тебя крути пожрали, чтоб на тебя нассал ваззок... - чертыхался он, подхватив особенно большое и широкоглавое кайло. - *Волосатая задница Грунгни...* - не останавливался он, даже пока приноравливался к более тяжёлому молоту.

Услышав, как звякнул металл, Скальф оторвался от оружейной стойки и увидел учителя, задумчиво смотревшего на него. Густой шлейф дыма из трубки окутал его, на мгновение скрыв лицо и неодобрительное выражение на нём, прежде чем старый кователь заговорил, едва разжимая зубы.

- Это не инструмент, - пробасил он, жуя мундштук трубки. - Это - ты.

- Это мы ещё увидим, - пробормотал Скальф, затягивая пояс и фиксируя взгляд на своём враге, куске все-камня.

- Произносишь слова... Бьёшь... Раскалываешь карадурак. если ты достоин.

Скальф проигнорировал насмешки учителя, адресованные его спине. Он тяжёло дышал, пытаясь

направить свой гнев в безупречный удар, который разрушит все-камень.

Заклинание сорвалось с его губ, словно первый камень, предвещающий обвал, и, взяв кованое кайло двумя руками, он обрушил его на кусок все-камня, вложив в удар все силы, до последней унции, какие только смог собрать.

Ливень крупных икр вылетел из оголовья, а затем с громким предупреждающим треском рукоять развалилась надвое. Держа в кулаке сломанное, никуда не годное кайло, Скальф посмотрел на неразрушимый все-камень, по-прежнему нетронутый, дразнившийся, насмехающийся...

Скальф взревел.

Он вырвал крепкую колотушку из стойки и врезал по проклятой каменюке, затем ещё, и ещё. К тому моменту, когда он слегка успокоился, два тяжёлых молота, одна кувалда и одно кайло валялись разломанные и погнутые рядом с наковальней, где, по-прежнему нерушимый, лежал все-камень.

Тяжело дыша, задыхаясь от пепла и дыма, со слезящимися глазами и пылающими мышцами, он поднял взгляд на учителя.

- Это... не...льзя... сломать.

Учитель сердито посмотрел на него, его глаза были словно два куска кремня.

- Либо это, либо ты, парень, - он развёл руки, демонстрируя силу своих мускулов и богатый арсенал кручёных браслетов и бронзовых узловатых полос. Громриловый нагрудник закрывал его бочкообразную грудь, а оружейный пояс опоясывал талию. Ножны с руническим топором были привязаны к спине, переплетённая кожей рукоять и оголовье в виде драконьей головы торчали из-за плеча. - Я вызван на битву, бородачёнок.

Лицо Скальфа прояснилось, но суровое выражение на лице учителя, быстро погасило зародившийся было лучик надежды.

- Урки и гроби скапливаются у южных ворот, вне всякого сомнения, пробравшись из руин Азгала. Клад-гора провоняла ими насквозь, - сплюнул он. - Ты остаёшься, но когда я вернусь, то надеюсь, что карадурак будет сломан.

Протесты Скальфа были отринуты даже прежде, чем он успел открыть рот.

- Мне нет никакого смысла учить тебя, если ты не сможешь сделать это. Ты не сможешь стать кователем рун своей твердыни, если не справишься с этим, - учитель сделал паузу, с суровым непреклонным выражением на лице оглядывая молодого гнома. Лик учителя не сильно отличался от все-камня. - Гнев приводит к гибели, парень, - он указал на сломанные Скальфом в припадке ярости инструменты. - Так ты не сможешь разбить его.

- Он неразбиваем, господин.

Последний взгляд учителя был безжалостен, когда он повернулся спиной к Скальфу. На нём был тяжёлый плащ, крепившийся к наплечникам, и меха под кольчугой. Должно быть уже зима. Скальф был заключён в кузнице уже несколько месяцев, перебиваясь твердокаменным хлебом и густым пивом. Оно было скверной, слоноватой варки, больше смола, чем пиво, но весьма укрепляющим

- Молот - скала, используй, чему тебя научили. Разбей камень, - сказал учитель, выходя за дверь. - У

тебя есть время, пока я не вернусь от южных ворот, Черномолот, - последнее слово было сказано иронично-насмешливо, горделивое имя прозвучало унижительно. Оно было именем Скальфа. Молодой гном посмотрел на свои почерневшие руки, обожжённые и сломанные молоты, валяющиеся вокруг наковальни, и понял, что это было - оскорбление.

Он восстановит свою честь. Твёрдо решив это, он поднял молот и ударив вновь.

Когда-то это был праздничный зал. Запах жареного кабана и вяленого мяса, острый аромат приготовленного на медленном огне горного козла и благоухающего пива должны были наполнять это место. Но только вонь смерти, медленно распадающейся плоти, и запах сгнившей ткани заполняли ныне пустые своды. Он превратился в гробницу, населённую призраками и шёпотами умерших в незапамятные времена.

Широкий очаг, до сих пор видимый под слоями грязи и пыли, занимал одну из стен. Мутные тени затаились в чертах лиц предков, вырезанных на его широких арках и прочных опорах. Пустоты в грязи в форме оружия позволяли предположить, где некогда под покровами хранилось родовые реликвии. Взятые во имя отчаянной обороны, последнего противостояния против превосходящих сил врагов, они были потеряны из-за гибели владельцев или капризов природы.

Кучи щебня валялись под прогнувшимся потолком или в местах, где раньше высились колонны или статуи. Мозаичные плиты под ногами были испещрены сколами и трещинами. Огромная расщелина бежала по полу, разрезая изображение тщательно изображённого в камне гномьего шлема, словно нанесённая топором рваная рана.

Гномы развели небольшой костёр. Они окружили маленькое пламя, тихо бормоча под нос, погружённые в свои мысли. Зал был огромен, но они держались лишь у одной его стены, так как другая была ненадёжной: камни фундамента покосились, и пол просел.

Воргил уже сказал, что вероятнее всего это из-за подрыва, ибо не было гномьих фундаментов, что уступили бы возрасту. Такие вещи делали так, чтобы они могли пережить всё и стояли бы даже тогда, когда их создатели сгинут во тьме. Кроме Азгала, не пережившего их: теперь это были сплошные развалины, кишасшие существами, которых гномы раньше считали не более чем паразитами.

- Ни один тролль не мог сделать это, - сказал шахтёр, безразличный и несчастный. Он держал в руках сапоги Фендрила и постоянно вращал их, как будто пытаюсь найти некие ответы в структуре кожи. - От Фендрила не осталось ничего, кроме пепла. Ничего кроме пепла...

- Я слышал, что некоторые тролли могут плевать огнём. Те, которые сделаны из камня, - беспомощно предположил Раглан.

- Скорей всего, мы охотимся на виверну, - сказал Магнин, хмуро глянув на гнома холмов. - Ни один тролль, с которым я когда-либо сражался, не умел плевать огнём, - поддел он Раглана.

Раглан вскочил на ноги, лязгнув оружием.

- И ты бился со всеми троллями бездонных глубин, ты, Магнин, сын Торда, кровавый тан-король вазокающих стражей врат, а?

- Сядь, дружок эльфов, - ответил гном, никак не реагируя на эту вспышку. - Кажется, надвигающаяся неизбежная смерть идёт тебе на пользу. Ты хоть стал смелее.

- Ничего, кроме пепла... - пробормотал Воргил.

- Далед Громобой рискнул спуститься в эти глубины, чтобы убить дракка, - сказал Скальф, вздрогнув, даже несмотря на меха и плащ. Все глаза обратились к нему, сверкая, словно мёртвые самоцветы в отблесках огня.

- Что ж, расскажи нам, парень, - сказал Раглан, снова усаживаясь. - Поведай нам о сём герое. Что с ним стало?

Магнин согласно кивнул, в надежде занять мысли чем-то ещё, кроме вины и ожидания смерти. Он жестом показал, чтобы Скальф продолжил.

Кователь рун откашлялся.

- Мой учитель однажды рассказывал мне о нём. Он был великим воином-таном и охотником за сокровищами, сирота из расколотого Карак Драз, Чёрного Утёса. Он был облачён в позолоченный шлем с грифоньими перьями. Его топор нёс руны остроты и звериной погибели, созданный ещё во времена до Войны Возмездия, когда наша раса была на пике своего могущества. Его щит был из чешуи дракона и обит громрилом, он мог отвернуть в сторону любое пламя и отбить любой удар. Это Далед был тем, кто заколол урка-вожака, Гаргута, и насадил его голову на частокол стены крепости зеленокожих. Это он был тем, кто изгнал кровавое исчадие Когтя Хель и уничтожил орду гроби из племени Зуболомов, он был тем, кто победил змея-чорва Черноводья.

Лицо Скальфа потемнело, когда он начал рассказывать следующую часть саги.

- Но ничто из этого не подготовило его к тому, что ожидало его в холодных глубинах Карак Азгала. Когда пали южные твердыни, Далед возглавил экспедицию в горы. Он надеялся сколотить состояние и вернуть часть утраченных реликвий твердыни, но он не вернулся из этого похода. Ходят... слухи о звере, с которым он столкнулся в великой тьме, о дракке, который, в конце концов, завершил его легенду.

- Я надеялся на что-то повеселее, бородачёнок, - сказал Магнин. - Возможно, песня или похабные частушки.

- Грауг... - прошептал Раглан, не осмеливаясь произнести это имя вслух, словно это каким-то образом могло поднять тварь из глубин.

- Виверна или тролль не могли сделать это, - сказал Воргил, демонстрируя сапоги, как доказательство своих слов. - Они не могли превратить моего кузена в пепел, спалить его подобно лучине!

- Не ори, - прошипел гном холмов, бросив беспокойный взгляд на Хегендура, который сидел отдельно ото всех, сторонясь тепла костра, словно в качестве дополнительного наказания, наложенного на себя. Скальф заметил, что, несмотря на то, что он был полуобнажён, Хегендур не дрожал от холода, даже чуть-чуть. Он был столь же холоден и бесчувственен, как и мёртвая порода, что окружала их со всех сторон. Несчастный, мёртвый принц Дарин покоился рядом с ним, лёжа на собранных из гномьих щитов носилках, которые они использовали, чтобы нести его тело.

Хегендур настоял на этом, несмотря на вызываемые неудобства.

Воргил не стал молчать. Он вскочил на ноги, потрясая последним наследием Фендрила, словно обвинением.

- Сожжённый! - воскликнул он. - Превращённый в пепел! - слюна и мокрота испачкали его подёргивающуюся бороду. - Это был дракк, это не могло быть ничем иным.

Глубокий, резонирующий голос раздался из темноты за пределами света костра.

- Это не дракк, - сказал Хегендур. - Это невозможно, - толстые мышцы на спине набухли, когда он встал. Хегендур пошевелил лопатками, разминая онемевшие мускулы шеи и плеч. - Мы достаточно отдохнули. Пора идти дальше и найти это чудовище.

- Почему это не может быть дракк, брат? - спросил Воргил, не страшась помутнения истребителя.

- Потому что наш король сказал нам, что это не он! Ты что, забыл? Ты хочешь сказать, что он лжец? Грауг убит. Его шкура красуется на спине моего господина. Это тролль или виверна и мы должны прикончить это.

- А если это было его отродье? - спросил Скальф. Он был последним из гномов, кто поднялся на ноги, и при этом внимательно смотрел в глаза Хегендура. Бывший страж очага изменился за прошедшие несколько часов: стал нетерпеливым и непредсказуемым. На многих, принявших её, клятва Истребителя воздействовала таким образом. Это делало их опасными.

Скальфу понадобилась минута, чтобы заставить своё сердце умерить его лихорадочный бег.

- Царь не лжец, - осторожно начал он, - он действительно убил дракка, но что, если это был не Грауг? Что, если шкура, из которой он сделал себе плащ, на самом деле шкура более молодого отродья Грауга, а не самого зверя?

На зал внезапно опустилась напряжённая тишина, пока Хегендур внимательно обдумывал предположение молодого кователя рун.

- Это бы объяснило многое из того, что мы уже видели, - добавил Скальф.

Лицо Хегендура напоминало камень.

- Это тролль, больше ничего.

Махнув разок топорами, истребитель нагнулся к принцу Дарину, прошептал ему несколько слов, а затем двинулся дальше.

Тихо вздохнув, гномы последовали за ним. Магнин и Раглан взяли за носилки из щитов и царственную ношу, что была привязана к ним.

- Ничего, кроме пепла... - пробормотал Воргил. Слёзы стояли в его глазах, он оплакивал Фендрила, пока разжигал свой фонарь. Его бледный свет озарил осунувшиеся черты шахтёра.

- Я знаю, брат, - сказал Скальф, потрепав по руке обезумевшего от горя рудокопа. Он надеялся, что Хегендур был прав, что это всего лишь тролль, выросший большим и страшным за долгие годы, проведенные во тьме, но, если честно, он не верил в это.

С каждым осторожным, чтобы избежать попадавших ловушек, шагом, уводящим гномов вниз, в разрушенные глубины Карак Азгала, их охватывало чувство обречённости. И отделаться от него они не могли.

Учитель был неподвижен, его грудь под разбитым нагрудником не двигалась, его борода - спуталась в кровавый колтун. Даже в смерти он выглядел недовольным. Теперь, он лежал на наковальне, которая была снята с наковальни рока и принесена в кузню для Скальфа, чтобы тот смог увидеть своего учителя и исполнить какой-нибудь последний обряд или дать необходимую клятву.

Пара мощно выглядевших стражей наковальни стояли по обе стороны, готовые отнести владыку рун в место его последнего упокоения в гробницах твердыни.

Хотя никто ему не рассказывал ни слова, Скальф догадывался, что бой у южных ворот шёл плохо. Даже из того малого, что он слышал, было ясно, что гроби и урков оказалось куда больше, чем ожидалось гномами. То, что началось, как экспедиция по очищению внешних склонов твердыни от зеленокожих, превратилось в отчаянное отступление, кончившееся тем, что южные ворота запечатали на неопределенное время. Пока воины собственного клана тана, Каменные Кулаки, удерживал проход от бронированных урков, учитель Скальфа выковывал рунические замки на вратах. Увы, но он не сумел завершить свою работу до того, как возжак урков вонзил ему в грудь свой тесак.

Рана была смертельна, и жрецы Валаи были призваны вскоре после того, как учитель Скальфа, собрав последние силы, закрыл врата и рухнул бездыханный.

- Ты Скальф? - спросил один из молотобойцев-вассалов короля. Он и ещё четверо прибыли вскоре после тела его учителя. Все они были закованы в полную броню, в шлемах, личины которых изображали лики богов-прародителей и полностью скрывали их лица, и вооружены двуглавыми клевцами. - Из Черномолотов?

Скальф опустил глаза на покрытые сажей руки и кузнечную колотушку с почерневшим оголовьем, которую он всё ещё держал в руках. Он молча кивнул, по-прежнему искоса поглядывая на мёртвое тело своего учителя.

- Король вызывает тебя, точнее, твоего учителя, но раз он отправился в чертоги Грунгни...

- Его вернули ко мне, чтобы почтить его клятвы, - сказал Скальф.

Молотобоец кивнул, одобряя выказанное бородачёнком мужество и верность долгу.

- Насколько ты умел? - он оценил толщину рук молодого кователя и длину его бороды. - Успел ли твой учитель передать тебе достаточно знаний перед тем, как пасть от рук поганых гроби и урков?

При упоминании зеленокожих, ярость поднялась в груди Скальфа, но когда он ответил, то ни единого следа её не было в его речи.

- Он научил меня творению и я сработал руну мастера под его руководством.

- Это хорошо, эти тайные знания тебе понадобятся в глубинах Азгала.

Лязгнув доспехами, молотобоец развернулся, знаком показывая кователю следовать за собой, когда Скальф заговорил.

- Мы покинем верхние залы?

- Ты покидаешь это поселение, парень, и верхние залы собственно тоже.

Скальф быстро собрал свои инструменты и вещи и опустился на колени перед телом учителя для

последней клятвы, после чего кивнул стражам наковальни, давая понять, что закончил, и поспешил вслед за молотобойцами.

- С какой целью... э...

- Белград, - представился молотобоец. - И тебе предстоит отправиться с самим принцем Карак Азгала. Зверь, парень, вот твоя цель. Король решил, что он должен быть повержен.

Скальф сглотнул, попытавшись скрыть страх за притворным кашлем.

Белград оглянулся через плечо, нисколько не обманутый нехитрой уловкой молодого кователя.

- Не бойся, бородачёнок, это всего лишь тролль, я уверен. Ничто, для столь опытного кователя рун, как ты.

Кивнув, надеясь, что Белград был прав, Скальф последний раз оглянулся на наковальню и тело своего учителя, прежде чем они скрылись из виду. Стражи наковальни с благоговением поднимали его на плечи. За ними Скальф увидел другую наковальню и тускло сверкающий все-камень на ней. Он был нетронут, несломан.

- Угу, пустяк, - ответил Скальф, оставляя позади наковальню и своего учителя.

Во рту были грязь и песок. Они забили его бороду, и ему казалось, что он сейчас задохнётся. Он был поглощён тьмой, а на лбу появилась рана, он чувствовал длинную, тёплую струйку, стекающую вокруг глаз и дальше на щеку. Он потерял ботинок, и камни в носках ощущались, как лезвия клинка.

- Здесь! - раздался крик над головой. Он звучал приглушённо, нечётко, но Скальф смог разобрать слова. - Это бородачёнок... он жив.

Над ним появилось пятнышко света размером с булавочную головку. Оно всё увеличивалось, и Скальф понял, что едва не был заживо погребён под грудой обрушившейся земли и камней. Он также вспомнил, что случилось, и обрушившийся на них туннель.

Улыбающееся лицо Магнина смотрело на него, пока он вытаскивал Скальфа из-под завала. Страж врат лишился шлема, его доспех был изуродован, но кроме этого он выглядел лишь слегка потрёпанным. Раглан был неподалёку и, отбросив кусок скалы, который держал в руках, подошёл к ним. В отличие от стража врат, гном холмов был мрачен.

- Воргил мёртв, - сказал он. - Раздавлен вместе с телом принца Дарина. По крайней мере, это тоже своего рода погребение, - Раглан держал жарр-клад, сапоги Фендрила, в одной руке, а фонарь Воргила - в другой. - Я смог найти лишь это, выкинутое из-под завала.

- Он пытался спасти их, - сказал Скальф, принимая сапоги, когда Раглан предложил их вместо ботинок кователя. - Золотая чаша Валайи, они подходят, - добавил он, переобувшись. Они оказались тёплыми, и в них он почувствовал себя легче и куда смелее.

- Похоже, фонарю повезло меньше, - сказал Раглан. Фонарь бледно мерцал в другой руке гнома холмов, его магические угольки слабели. После каждой краткой вспышки окружающая их тьма словно бы становилась плотнее, сжимаясь вокруг подобно удавке. - Сможешь его починить, парень?

Скальф тщательно изучил артефакт. Его голова раскалывалась, и он, морщась, осторожно потрогал

вспухшую шишку чуть повыше лба. Через несколько мгновений он покачал головой.

- Без знания специфичных заклятий, которые используются для извлечения из него света, я мало что могу сделать, - он пробормотал несколько известных ему слов силы, проводя по рунам почерневшими от грязи пальцами и разжигая их потускневшее пламя. Угольки стали ярче, но ненадолго.

Раглан кивнул и пошёл искать выход из наполовину обрушившейся залы. Даже с фонарём окружающее можно было разобрать лишь едва-едва. Воздух задыхался от пыли, которая медленно-медленно уходила в ближайšie подземелья. Из-за обвала поверхность под ногами стала весьма коварна: пол испещряли трещины и заваливали обломки.

- Будь осторожен, - крикнул ему вслед Магнин. - Тут недалеко пропасть, я чуть не свалился в неё.

- Глубокая? - спросил Раглан.

- Достаточно. Дна я не видел, но вонь оттуда шла отвратная, сернистая и едкая.

Они обменялись мрачными взглядами, но промолчали.

Чем хуже становилось, тем лучше были взаимоотношения между двумя гномами из противоборствующих твердынь. Это было вполне в духе гномов - сплотиться через невзгоды. Скальф с воодушевлением воспринял перемены в своих товарищах, но кроме этого, с не меньшей ясностью осознал, что теперь их осталось лишь трое и им ещё только предстояло найти зверя. Он задумался о том, куда ведёт расщелина.

- Что ж, это дракк? - спросил Магнин, пока Скальф отряхивался и поправлял ремни.

- Да, - ответил Скальф. - Это Грауг, теперь я уверен в этом. С помощью этого обвала он намеревался прикончить нас. Возможно, он даже думает, что ему это удалось и чуть попозже вернётся, чтобы нами закусить.

- Тогда мы должны использовать это и напасть на чудовище в его логове. Оно вряд ли находится далеко - подобные ему твари не расположены к долгой ходьбе.

Скальф, менявший кожаную обмотку на рукояти молота, только было собрался согласиться с ним, когда ужасный вопль пронёсся сквозь густой от пыли воздух.

- Гроби, - прошипел Магнин, приготовив свой клевец. - Где же ты, дружок эльфов.

Вопль вырос до визгливого рёва, когда, спеша со всех ног, вернулся Раглан.

- И урки, - выпалил гном холмов.

Выбираясь из-под завалов, Раглан потерял арбалет: пусть и сделанный из крепкого вутрота он всё равно сломался под камнями. Впрочем, это было одной из причин, что гном холмов всё ещё был жив: висевший на спине арбалет стал своеобразной подпоркой для рухнувших каменных обломков. Вместо этого он взял в каждую руку по секире и устался во тьму.

Свет фонаря постепенно становился всё слабее.

Трещины и разломы, невидимые до сих пор гномами, ожили теми же злобными рубинами, что и ранее. Блистая и мерцающая в ожидании убийства, они становились всё больше и больше, пока, наконец, не превратились в глаза и зеленокожие не вышли в слабый полумрак, создаваемый светом воргилова

фонаря.

Мелкие, но с написанной на лицах жестокостью, гоблины шли впереди орды более мощных орков, облачённых в шкуры скавенов. У многих на шеях болталось ожерелье из клыков, нанизанных на нитки из сухожилий. Громоздкие наплечники одного из самых мощных и тяжелобронированных зверюг украшали головы скавенских вожаков рабов. Несмотря на их успех в предыдущей битве, казалось, что в итоге крысолюды проиграли войну за территорию.

- Встань позади нас, парень, - сказал Магнин, отступая.

Скальф никогда не видел отступающего стража врат, это считалось почти анафемой, но зеленокожих было слишком много.

Ручная секира Раглана вонзилась в мерзкую харю первого, бросившегося в атаку гоблина. Сила удара была такова, что обёрнутые тряпьем ноги мелкого зеленокожего оторвало от земли, и он отлетел в наступающие ряды своих сородичей, где и был благополучно втопан ими в пыль.

Они кишели повсюду, выползая изо всех щелей и вопящими ордами набрасываясь на гномов.

Взмахнув клевцом, Магнин проделал кровавую просеку в рядах зеленокожих, отшвырнув в стороны сломанные тела. Опуская свою последнюю секиру, Раглан, с небрежной лёгкостью лесоруба, рассекал тела и снимал с плеч головы. Ни на мгновение не останавливая сего дела, он зарычал кователю.

- Найди зверя, парень. В пропасти. Здесь осталась лишь гибель.

Скальф не успел ответить, прерванный рыкающим хрипом Магнина. Страж врат с хрустом обломал копьё, воткнувшееся между плит доспеха, и сокрушил его владельца ударом закованного в латную перчатку кулака.

- Назад! - сквозь зубы прорычал он, пытаясь не выказать боли.

Раглан сокрушил ещё одного гоблина, раскроив его грудь до кости.

- Там нет, "назад", - ответил он, потроша другого.

Зеленокожие трупы, мерзкие и вонючие, окружили их, и груда тел становилась всё больше.

- Тогда стой, - сказал Магнин, - спина к спине со мной в последней славной обороне, - затем он повернулся к Скальфу и выплюнул. - Иди, парень, в пропасть.

Скальф кивнул и, спотыкаясь, углубился в окутанный мраком туннель, на ощупь находя дорогу. Конец туннеля был плотно завален обломками, но он отыскал дыру, про которую говорил Магнин. Она позволяла пролезть гному, но едва-едва. И вела в бездну, в почти бездонные глубины.

Последнее, что запомнил Скальф, прежде чем спуститься в расщелину, это Магнин и Раглан, спина к спине отражающие наскоки гоблинов, и надвигающихся на них орков. Свет фонаря умирал, вскоре он совсем погаснет. Скальф спустился в дыру, осторожно нащупывая опоры для ног и рук.

Он не слышал криков, или не позволил себе их услышать.

В этой узкой, с торчащими острыми выступами расщелине было жарко. Он чертыхнулся, когда один из выступов порвал его рубаху и до крови оцарапал кожу. И ещё вонь. Она была настолько мощной, что у него заслезились глаза. Пытаясь добраться до очередного выступа, он сорвался. Кроваво-красные звёзды

мелькнули у него перед глазами, и он ощутил, как чёрная тьма окутывает его, засасывая все звуки в свои бесконечные, жаждущие глубины. Он упал.

Боль на мгновение вернула его назад, краткая, словно укол кинжала, сначала в спину, потом - в руку, когда не имеющий формы, напавший на него враг впал в бешенство. Затем снова была тишина, и чувства покинули тело Скальфа...

Он услышал гномью песню, басовитый гимн пивоваров, звук труб и барабанный бой. От неё пахло камнем и землёю, жареным мясом и пивным духом. Тепло растеклось по всему его телу, и он ощущал присутствие других рядом с собой. Его место за столом уже было приготовлено, хотя он его ещё пока и не заслужил. Ароматы изменились, вместе с постепенно рассеивающимся ощущением праздничного чертога. Они стали едкими, колкими и неприятными, но там было что-то ещё, что-то, что разбудило его, звон...

Скальф разлепил один глаз и понял, что жив. Он лежал на боку, его голова была мокрой, но это была не кровь. То была вода, падавшая с нависающих над ним сталактитов и с настойчивостью кузнечного молота барабанящая по его черепу.

Повернувшись, он похлопал по поясу в поисках оружия. Там было пусто. Его рунический молот пропал, затерялся где-то в бездонной темноте. Его окружал мрак, но впереди, в тоннеле, в котором он лежал, тьма казалась не столь густой. В потолке виднелись канавки, проделанные за многие годы. Некоторые сталактиты представляли собой каменные пеньки, земля же была практически гладкой, стёртая чем-то массивным и твёрдым.

Застонав от вспыхнувшей в груди и руке боли, Скальф поднялся и направился к источнику света.

Спустя тридцать шагов по пути к сверкающей точке в конце туннеля он почувствовал запах. словно опьяняющий ликёр на языке, словно запах хмеля и бродящих дрожжей, словно успокаивающий запах сажи и железа. Он был лучше, чем все они и разжёлг пламя в душе рунного кователя, несмотря на опасность, что таилась за ним.

- Горл... - слово, едва слышным шёпотом сорвалось с его губ, неразборчивое от полуопьянившей его золотой похоти. Этот блестящий металл стал погубелью многих гномов. У них было много имён для него: брин - то, что блестит; галаз - декоративное или орнаментальное золото; рил - золотая руда или та, что была выкопана недавно. Каждое воплощение было столь же пьянящим, как и последнее. Он сводил с ума старателей, охваченных золотой лихорадкой, в самом худшем случае заставляя их убивать даже своих родичей, и здесь было оно - целая пещера сверкающего, мерцающего золота.

- Горл... - произнёс он снова и не смог сдержать ликование в голосе.

Короны были навалены поверх горы слитков, что громоздились поверх соверенов, которые, в свою очередь, венчали дублоны. Драгоценные камни всяческой огранки, разнообразнейших оттенков, некоторые размером с мускулистый кулак Скальфа, в изобилии валялись по всей огромной пещере. Курганы монет, отчеканенных в давным-давно ушедшие эпохи, возвышались почти до самого потолка, и расползались по всему полу.

Скальфу понадобилась вся его сила воли, чтобы с разбегу не броситься в сверкающую трясину и согреться. Стремление втереть его в тело, пить его пьянящий запах, сводило с ума. Он жаждал набрать его так много, как только мог. Жаждал наполнить им карманы, наполнить им ранец, да даже свой шлем.

Это было глупо, и всё же...

Но в конце концов, нечто, что-то, очернявшее позолоченное море перед ним, заставило Скальфа прийти в себя.

Это была не просто сокровищница. Это место, кроме всего прочего, было могилой.

Сначала он заметил бронированную руку, торчащую из холма рассеянных монет, золотых браслетов, витых торков и золочёных венцов. Два пальца перчатки доспехов проржавели насквозь, открыв кость внутри.

В другом месте, словно утопающий, вынырнувший, чтобы сделать последний глоток, голова воина выглядывала прямо из лагуны сокровищ. И его труп не был одинок. Было и несколько других, все мертвы, некоторые в доспехах Империи, другие несли на одеяниях геральдику и украшения надменных бретонцев. Они все были рыцарями, жаждущими убить дракона, и все оказались недостаточно сильны.

Углубляясь дальше, не в силах преодолеть ноющее чувство любопытства, Скальф наткнулся и на тела гномов. Он узнал истребителей, и гномов из братства железоломов и молотобойцев. В их пустых глазницах, в их ухмыляющихся оскаленных черепах, он узрел погибель своих товарищей и свою возможную судьбу, если задержится здесь ещё чуть-чуть.

Но он дал клятву. Не только своему королю, но и своему учителю, пусть последнему и посмертно.

- *Убить зверя...* - прошептал он и начал искать оружие.

Поиски Скальфа были вознаграждены топором - его край холодно блестел в блестящем сверкании пещеры - в мёртвых пальцах воина-тана. И, когда он взял его, то почувствовал, как монеты под ногами пришли в движение. Сначала струйка - несколько монеток, словно возмущённых вторжением, скатившихся с золотого холма. Оно быстро переросло в оползень.

Отказавшись от топора в пользу более лёгкой добычи, Скальф наполовину съехал, наполовину скатился с насыпи из монет. Он как раз извлекал себя из осыпи, когда уловил запах серы, что принесло дуновением сквозняка откуда-то из верхнего мира. Он смешивался с вонью плоти, с неприятным запахом гниения. Сажа и угольки появились над его головой, словно пирокластическая гроза, излившаяся из какой-то невидимой кальдеры.

Извержение объявило о пробуждении чудовища, твари, простое присутствие которой шокировало саму землю и вызывало у неё дрожь.

У Скальфа не было ни щита, ни оружия, которое могло бы прикончить магическое создание подобное дракону, что нахотился на самой большой из золотых насыпей. Он был великолепен и ужасающ, страх и изумление воевали в разуме кователя рун, когда он увидел древнее существо. Закрывшись крыльями, чудовище обнимало когтями горы сокровищ и венчало вершину златых насыпей в лучезарном великолепии, слегка неуклюжее, несмотря на размер и очевидное величие.

Алая чешуя покрывала его мускулистый торс. Брюхо было мягче и бледнее, как свернувшееся молоко, но его кожа всё равно могла выдержать удар любого обычного клинка или пики. На змеевидной шее выделялись выгибающие позвонки размером с две длины эльфийского копья и столь же толстые. Его морда была вытянутой, окружённой зазубренными шипами и сочилась дымом и сернистым ихором.

Но даже когда он развернул свои могучие крылья - мембрана, образующая их, была столь же прочной, как кольчуга, и во много раз более упругой - именно глаза твари, уставившиеся на него, были тем, что приковало к себе взгляд Скальфа. Это были нефритовые зелёные щёлки холодного льда, безжалостные и

злые. Когда создание испустило сотрясший пещеру ревущий вызов, Скальф понял, что дракон был голоден, и что именно ему предстояло стать закуской.

Скальф посмотрел на небольшой кузнечный молот, что всё ещё был заправлен за пояс. Его боёк почернел от усилий, предпринятых Скальфом ещё в кузне учителя. Те мелкие заботы, казалось, обуревали его эпохи назад.

Сражаться было неразумно. Стоять - означало умереть, поэтому - Скальф побежал.

Возвешенный резким вдохом зверя, перед кователем рун пронёсся столб пламени, и он развернулся. Пенящееся пламя вновь подрезало его, и он резко остановился. Расплавленный металл окружил его, словно позолоченная лагуна, в которой он был единственным островом. Щупальца пламени мерцали в сверкающем расплавленном золоте, облизывая носки его сапог.

Грауг снова взревел, пронзительный звук, который, вполне возможно, был смехом злобной твари. Его тень поднялась, полностью накрывая гнома. Дракон поймал его в ловушку.

Скальф развернулся к нему, и не страх, но вызов был на его лице.

- Гримнир! - рявкнул он на зверя, в ответ на рёв твари, от которой сотрясся воздух и пещеру наполнила густая вонь серы.

Отведя назад змеиную голову, Грауг разок угрожающе щёлкнул челюстями, а затем попробовал воздух длинным, кожистым языком.

А затем он нырнул.

Невзирая на то, что его окружала река расплавленного золота, Скальф побежал. Руны *жарр-клюд* ярко засверкали, пока он нёсся, не разбирая дороги, бормоча клятвы рунного кователя Гримниру и Валайе, благодаря за каждый чудесный шаг.

Это оказалось абсолютной неожиданностью для Грауга. Дракон ожидал, что его добыча запутается в сети, которую он для неё сплёл. Слишком поздно он попытался сдержать свою атаку, но могучий импульс уже было не остановить, и дракон со всего маху врезался в маленький золотой островок, на котором за мгновение до этого стоял гном. Крылья зверя и большая часть его огромной туши неожиданно оказались погружены в расплавленное золото. Он изо всех сил забился, когда жгучий позолоченный расплав поднялся вокруг него, обнимая, обжигая. Жалобный скулёж вырвался из его пасти, глубокий и подвывающий... и бешенство, яростное бешенство, что его обвели вокруг пальца.

Ему было больно, и, найдя наконец укрытие, Скальф улыбнулся.

- Небольшой ожог на память, - сказал он, присев на корточки.

На краю пещеры сумрак поглотил его. Скальф отбежал на столь большое расстояние, какое он только решился поставить между собой и драконом. Самосохранение, желание заставить зверя отправиться в охоту за своей добычей, горело внутри него. Хоть он и не мог видеть его, но зато отлично слышал воинственный драконий вой. Редкие болезненные крики перемежались куда более долгим, глубоким рёвом, в котором было обещание. Обещание растерзать его, которое давал он, зверь минувших века назад эпох. Обещание доказать своё превосходство над его ничтожной, слабой плотью.

Как только дракон вырвется из золотой ловушки, покрытый шрамами и разгневанный - Скальф умрёт. Сперва зверь игрался с ним, но теперь, теперь он понял свою ошибку. И Грауг не собирался делать её

вновь. В окружении мертвецов, в этой пещере забытых сокровищ, Скальф станет просто ещё одним героем-неудачником среди тех, кто нашёл погибель под этими сводами.

- Как Далед Громобой... - мрачно пробормотал он, и остановился как вкопанный.

От неистовства дракона плотные валы золота разровнялись, груды монет и самоцветов рассыпались, пейзаж изменился. Вещи, с незапамятных времён покоившиеся под золатыми грудями, вновь появились на поверхности, подобно телам утопленников, раздутым от трупных газов, или старым костям, вынесенным на поверхность неожиданным землетрясением.

Скальф увидел топориче. Узнав символ на его «яблоке», он на животе пополз к нему. Грауг к этому времени уже выбрался из позолоченной трясины и направился по следам гнома, раздувая ноздри в попытке учуять запах дерзкого. Бросив взгляд вверх рухнувшего золота, Скальф увидел, что Грауг наполовину ослеп: одна нефритовая щёлка стала молочно-белой, окружённой обгоревшей, опухшей драконьей плотью.

Это был ближний к нему глаз.

Вцепившись в топориче, Скальф дёрнул. Расколотый значок в виде молнии на «яблоке» топорича дёрнулся, но сокровища не уступили свою добычу. Лишь ещё несколько монет скатились с кучи, звеня и подпрыгивая, пока не успокоились.

Они открыли лезвие из чистейшего громрила, погружённое в кулак из чёрного, сверкающего камня.

Прошла уже почти тысяча лет, с тех пор как Далед Громобой рискнул отправиться в горы. Некоторые говорили, что он встретил свой конец в логове Грауга. Теперь Скальф знал - это была правда. И также он знал природу вещи, что мёртвой хваткой вцепилась в оружие легендарного героя рода гномов.

- Карадурак... - упало сердце Скальфа.

Смахнув ещё больше монет, уже не обращая внимания на возникший при этом шум, Скальф понял, что он должен сделать.

Оскаленный череп выпирал из рассыпавшегося золота. Он носил шлем с кольчужным капюшоном, закрывавшим затылок и шею. Рядом со сломанным нагрудником валялся оберег в виде изломанной молнии.

От тяжёлой поступи Грауга холмы сокровищ вновь затряслись, раскидывая монеты, словно золотой дождь. Его хриплое дыхание раздавалось уже столь близко, что Скальф мог учуять его вонь. Удар, если окажется неудачным, привлечёт дракона. И шансов ускользнуть более не будет.

Скальф встретил взгляд пустых глазниц черепа Далёда Громобоя.

- Прошу тебя... - прошептал он.

Вытащив из-за пояса кузнечный молот, он занёс его над головой, повторяя слова заклинания, которым учитель обучил его.

- Позвольте нанести мне истинный удар.

Удар, гром, и вдруг - резкий треск камня расколол воздух, и миг спустя легендарный рунический топор был свободен. Скальф с триумфальным криком поднял его над головой, и из лезвия вырвалась ветвистая

молния.

Зверь уже почти настиг его. Сотрясающий воздух визг сорвался с его губ, визг, обещающий лютую погибель карликовой твари, что обварила и полуослепила его.

Скальф не мог видеть его, но, когда уже собирался выскочить из укрытия, его руки неожиданно что-то коснулось. Щит, скрывавшийся под саваном пыли, но укреплённый могущественными рунами защиты, лежал у его руки. Это был щит Даледа. Его символ был изображён на шишаке в центре щита. Скальф не помнил, чтобы он был здесь прежде, но, бросив взгляд на мертвеца, увидел лишь безмолвный скелет павшего героя, и не было ответа в его мёртвых глазницах.

- Спасибо, брат, - прошептал он, а затем надел на руку щит, взмахнул на пробу секирой и вышел на свет.

- Зверь! - взревел он и увидел дракона. Он был близко, Скальф почти чувствовал злобу, исходящую от его чешуйчатой шкуры, но чтобы бросить злобный взгляд на своего обидчика, дракону пришлось повернуться всей своей массивной тушей.

- Грауг Ужасный, - возвестил Скальф. Скорость и решительность теперь были всем. Пока дракон наступал на него, Скальф понимал, что у него будет лишь один шанс. Он выставил плечо и укрылся щитом, замахнувшись за ним топором, словно потрескивающим оберегом.

- Приди и заплати!

Огненная буря вырвалась из пасти дракона, и Скальф упёрся в щит и присел, молясь про себя, чтобы старые руны сохранили свою мощь. Волна нестерпимого жара пронеслась над ним. Он ощущал, как начали тлеть кончики его бороды, как обожгло его кожу, но он терпел.

Когда огненная буря утихла, Скальф опустил щит и увидел, что Грауг надвигается на него. Он был огромным, почти парализующим в своём гневе. Разжав челюсти, с которых всё ещё стекали огненные ручейки, последыши испепеляющего выдоха, дракон собирался раскусить кователя рун напополам.

Вверившись секире Даледа, со знанием своего учителя и с наследием храбрых родичей-гномов, что почил здесь, Скальф размахнулся. Когда край лезвия рунической секиры проломился сквозь несокрушимую чешую, затем прорвав кожу, а после вгрызшись в плоть, он взревел. Огромная рана открылась в шее Грауга, и Скальф с головы до ног оказался залит драконьей кровью. Он обрушил ещё один удар, пока зверь, спотыкаясь и истошно воя в испуге, пытался вырваться.

- Гримнир! - вскричал Скальф, и топор вгрызся в плоть драконьего плеча. Обратным взмахом он вскрыл яремную вену. Измазанное в жизненной влаге древнего создания, золото стало влажным и багровым. Последний удар вскрыл брюхо Гррауга, выпустив блестящие канаты кишок.

Последний крик Грауга превратился в визг, до самых корней сотрясший огромную пещеру. Дракон перекатился на бок, могучая грудь колыхнулась в судороге последнего вдоха и великий Грауг Ужасный сдох. Силы оставили Скальфа и он едва не упал.

Не так он представлял себе этот бой. Не так виделся ему миг славы в момент убийства дракона. Он был жесток и грязен и почти низок в своей дикости. Но Грауг был мёртв, и он к тому же вернул реликвии Даледа Громобоя.

Этого было достаточно.

Об этом мгновении, он был уверен, будут написаны саги. О, они бы не описали всё так, как оно было на

самом деле. Их роль - возвеличивать и прославлять, ибо всем великим делам нужна великая легенда, чтобы вести за собой. Скальф же просто хотел вернуться на поверхность, чтобы воссоединиться с теми, кто остался от его клана. Пути назад не было, но впереди виднелся небольшой овал света, что вёл к верхнему залу. Как и любой гном, он мог найти метки-указатели пути и вернуться в залы верхних уровней подгорной твердыни.

Но, прежде чем уйти, он должен был исполнить ещё одну клятву.

Привязав щит к спине, Скальф двумя руками взял секиру и посмотрел на рану, которую он проделал в шее дракона.

- Осталось рассечь чутка плоти, - пробормотал он и поднял секиру.

Эхо шагов донеслось с лестницы, ведущей в нижние подгорные залы, и Белград, стороживший проход, потянулся за молотом.

Позади, его братья-молотобойцы поспешно выстроились в линию несокрушимой стали между сгорбившимся королём Дьюриком и зияющим проходом на нижние уровни.

- Назови своё имя! - выкрикнул он, когда шаги незнакомца приблизились настолько, что его появление уже не вызывало сомнений.

Шаги не остановились, но ответа не последовало.

- Назовись или столкнись с расплатой, - сказал Белград, бросив тревожный взгляд на неподвижного короля.

В свете разожжённых у входа жаровен, крохотная тень упала на потолок зала твердыни.

- Гроби? - спросил Утгар, молотобоец у левого плеча Белграда. Он должен был стать его щитом, если бы незнакомец оказался врагом, и гномам пришлось вступить в бой.

- Нет...

- Удержите своё оружие, - произнёс из темноты усталый голос, шаги замедлились, когда он добрался до верха пустынной лестницы.

Скальф вошёл в чертог. На его спине были сверкающие рунические щит и секира. А в руках он крепко держал верёвку, к которой была привязана голова дракона.

- Это Грауг, - сказал он. Не было гордости в его голосе. Его брови поднялись, когда он увидел короля Дьюрика, и тут же нахмурился. - Он мёртв.

Белград и его братья опустили оружие и уставились на драконью голову, лежавшую перед ними.

- Айе, - пробормотал он и в конце концов встретился взглядом со Скальфом. - Он скончался малое время спустя после того, как вы спустились в глубины. А твои спутники?

- Пируют в залах Грунгни, как и заслужили.

- А принц Дарин?

- Он тоже.

- Когда он умер? - Белград снова развернулся к драконьей голове с остекленевшими глазами и вывалившимся между обломанных клыков языком.

Скальф опустил голову и пробормотал молитву Валайе за умершего короля. - Вскоре после того, как мы спустились в глубины.

Белград кивнул, он уже догадывался и сам.

Когда он снова поднял глаза, жестокая энергия пылала в его глазах, столь же ярких и пламенных, как и бриндураз.

- Грауг мёртв, как и наш повелитель, - он опустился на колени, положив свой молот перед Скальфом. Остальные молотобойцы последовали примеру сильнейшего из них и вскоре все вассалы короля преклонили колени.

- Долгие лета Скальфу Драконоубийце, - сказал Белград и резкое эхо его слов отразилось от стен чертога. - Долгие лета королю Карак Азгала.

Скальф кивнул. Кланов было мало, но они были горды. Им нужно руководство, и дела, что выкуют лидеров.

- Встаньте, - сказал он, вспоминая всё, чему наставник научил его. - Встаньте, и вновь обретите мужество Азгала.

Клад-гора была потеряна. Восстановить её уже было невозможно, но, как и огонь кузни, пламенный дух гномов по-прежнему пылал негасимым огнём.

Источник —

[https://wiki.warpfrog.wtf/index.php?title=Город_мёртвых_самоцветов_/_City_of_Dead_Jewels_\(рассказ\)&oldid=9368](https://wiki.warpfrog.wtf/index.php?title=Город_мёртвых_самоцветов_/_City_of_Dead_Jewels_(рассказ)&oldid=9368)

Эта страница в последний раз была отредактирована 7 декабря 2019 в 11:38.